

ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

Академия наук к 200-летию со дня рождения Петра Великого

УДК: 001.32(091)

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-55-62

31 мая (12 июня) 1872 г. в Академии наук прошло публичное торжественное заседание, посвященное 200-летию со дня рождения Петра Великого. На заседании выступили академики К.С. Веселовский, Я.К. Грот и О.В. Струве. В докладах были освещены различные стороны многогранной личности императора, показано воздействие его преобразований на историю России и судьбы ее народов.

Ключевые слова: Петр I, Академия наук, К.С. Веселовский, Я.К. Грот, О.В. Струве.

*О, тень великая, покойся!
Мы помним тьмы твоих заслуг,
Безмолвно в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.*

М.В. Ломоносов¹

Академия наук всегда помнила и помнит имя своего создателя. И со времен М.В. Ломоносова (1711–1765), когда ученый 26 апреля 1755 г. в Торжественной ас-

¹ *Ломоносов М.В.* Ода торжественная <...> Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года... // *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. С. 777.

самблее Академии наук, которая была приурочена к праздновавшейся днем раньше годовщине коронации императрицы Елизаветы Петровны, произнес «Слово похвальное... Петру Великому» [*Ломоносов*, с. 584–612], в ее стенах звучали торжественные речи.

В 1826 г., к 100-летию Петербургской Академии наук, в главном академическом здании на Университетской набережной закончили оформление Большого конференц-зала и в нем между колоннами поставили мраморный бюст Петра I. К сожалению, неизвестно имя скульптора, выполнившего эту работу. Ясно лишь одно, что это мраморная копия с гипсового оригинала модели головы Петра I для конного монумента, над которым трудился французский скульптор Этьен Фальконе. Гипсовый оригинал был выполнен ученицей Фальконе Мари Колло. «Голова мраморная», как записано в документах, до сих пор стоит в Конференц-зале Академии наук.

В мае 1872 г. вся страна праздновала 200-летие со дня рождения Петра Великого. 31 мая (12 июня) в Академии прошло публичное торжественное заседание, посвященное этой дате.

Открыл заседание непременный секретарь Императорской Академии наук академик Константин Степанович Веселовский (1819–1901) докладом (речью) «Петр Великий как учредитель Академии наук». Ученый прежде всего отметил, что в настоящее время всю Россию объединяет чувство признательности и благоговения к Великому императору как к творцу ее политического могущества. Для Академии наук это двойное торжество: с одной стороны, ученые вместе со всеми отмечают этот замечательный юбилей, с другой — помнят, «кому они обязаны своим существованием, кто положил в основание прочный камень, на котором утвердилось здание науки в России» [*Веселовский*, 1872, с. 3]. Прежде чем говорить об основании Академии наук, Веселовский хотел посвятить несколько слов личности Петра Великого.

«Яркая черта, которой отмечены все действия Петра, — считает Веселовский, — это гениальность» [*Там же*, с. 3]. Далее он пытается объяснить, что гением считает человека, которому дано угадывать связь между предметами и явлениями, незаметную для обыкновенного ума. Гений, — по мысли Веселовского, — по немногим данным, по одним, так сказать, намекам — «мощным полетом, как бы скачком» достигает выводов, к удивлению современников, для которых сам процесс такого творчества остается непонятным и поразительным. Люди же дела, отмеченные печатью гения, отличаются не только способностью ясно понимать настоящее и угадывать необходимое будущее, но и особым даром находить и осуществлять именно то, что прямо и верно ведет к цели. Гении такого рода, — полагал Веселовский, всегда представляют собой огромную нравственную силу. Появление их на арене истории является или великим бедствием, или великим благом для человечества, смотря по тому, каким целям они служат. Горе людям, если гениальной личностью двигают только эгоистические побуждения любви к славе и власти! Самым ярким примером этому, считал Веселовский, служит французский император Наполеон Бонапарт (1769–1821), который «...пронесся над Европой зловещим метеором, обозначившим свой путь миллионами человеческих трупов, пожарами городов и селений, разорением своей родины и угнетением Европы» [*Там же*, с. 4].

«Не таков бывает гений, — отмечает Веселовский, — проникнутый идеей о пользе человечества: он приносит всего себя, всю силу своей воли, всю энергию своего характера на служение этой высокой идее; покоряя себе других, он заставля-

ет их идти, часто против собственной их воли, по пути улучшений, и созидает себе памятник в деяниях, за которые его благословляет потомство» [*Там же*, с. 4–5]. Все эти слова Веселовский относит к Петру Великому.

Любопытно отметить, что Веселовский, при восторженно положительных оценках российского императора, вспоминает ученых и писателей, которые, подвергая историю Петра критическому разбору, находят слишком крутыми петровские меры, особенно те, которыми он вел борьбу с необразованностью и отсталостью современного ему русского общества. «Такое мнение могло бы иметь значение, — подчеркивает Веселовский, — если было бы возможно доказать, что народ, погруженный в невежество, можно было преобразовать в могущественную европейскую нацию одними мягкими и постепенными мерами». Но доказать это невозможно за невозможностью подобного опыта, все гадания о том, что было бы лучше, если бы Петр сделал то-то, а не это, относятся «к числу праздных упражнений мысли» [*Там же*, с. 6].

Далее оратор подчеркивает любознательность Петра, создание им Библиотеки и Кунсткамеры, ставшей первым российским музеем, и т. д. Веселовский убедительно показывает, что Петр отчетливо понимал: без науки невозможно истинное величие народа и «без водворения ее у нас не было бы обеспечено успешное развитие тех учреждений, которыми он обновил государственный организм России». И здесь, подобно тому как и в других начинаниях его, Петру, не любившему полумер и не имевшему привычки опускать руки перед трудностями, достаточно было осознать весь объем задачи, для того чтобы пойти прямо к ее осуществлению решительными средствами. И в его голове постепенно созрела оригинальная мысль — «...в стране, в которой еще не было ни ученых, ни университетов, ни гимназий, создать учреждение, которое было бы вместе и гимназией, и университетом, и высшим ученым обществом» [*Там же*, с. 7].

Веселовский прав, когда говорит о большом влиянии на Петра и его планы по развитию науки и образования в России великого немецкого мыслителя и создателя Ученого общества в Берлине Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Веселовский также отмечает роль в создании Академии наук лейб-медика Лаврентия Блюментроста (1692–1755), которому Петр поручил составить проект Академии. И тут же отмечает, что «существенные части этого проекта, по всей вероятности, принадлежат самому Петру, и труд лейб-медика состоял только в письменном изложении тех мыслей, которые изустно передал ему Государь» [*Там же*, с. 10].

И завершает доклад Веселовский словами: «Петр положил лишь первый камень — и на этом фундаменте последующие поколения возвели прочное здание: исполняя завет Петра, русские ученые приобрели нам в Европе доверие и честь, доказав на деле, что и у нас работают для науки» [*Там же*, с. 13].

Второй доклад, «Петр Великий как просветитель России», был зачитан академиком Яковом Карловичем Гротом (1812–1893). Он посвящен заслугам Петра Великого в просветительской деятельности. Борьбу с невежеством, предрассудками и суеверием «под знаменем идеи и истины» Грот превозносит как «самую плодотворную и почетную», а «плоды просвещения существеннейшим результатом всех подвигов Петра Великого» [*Грот*, 1872, с. 2].

Вначале докладчик называет разнообразные формы проявления просветительской деятельности императора, каковыми, по его мнению, являются личный пример, принятые законы и созданные учреждения, а также непосредственные меры

по распространению образования через создание училищ и с помощью литературы. Затем он последовательно и подробно рассматривает эти аспекты.

На основании известных фактов из детства царя Грот делает следующий вывод: «Таким образом Петр, несмотря на свое плохое воспитание, обладал уже в начале своего царственного поприща порядочным запасом познаний, но понятно, что он при своей ненасытной любознательности сам чувствовал их скудость и впоследствии часто жаловался на недостаточность своего школьного образования» [*Там же*, с. 4]. Учиться Петр продолжал на протяжении всей своей жизни, его академиями были города и страны, учителями послы и гости, государи и правители, повсюду искал он пользы и познаний (так писал Феофан Прокопович), он ценил не только науку и технику, но также искусство и литературу.

Как личность он предстает перед подданными в разных ипостасях — как государь и как частное лицо, вечный труженик, мастеровой, моряк и т. д. Грот называет это исключительным явлением в истории, полагая, что «есть основание думать, что так действовал Петр не по прихоти, но с намерением, — чтобы служить примером малообразованному народу, который до тех пор полагал все величие во внешности, все счастье — в праздной и беззаботной жизни» [*Там же*, с. 9]. Внушить русским людям уважение к труду — вот, по словам Грота, коренная просветительская идея и цель Петра.

Среди ярких положительных черт личности царя следует отметить правдолюбие («самая выдающаяся черта духовной природы Петра») и толерантное отношение к иным вероисповеданиям. Автор не оставляет без внимания «человеческие слабости и ошибки при избрании средств к достижению преобразовательных целей» и анализирует критику в адрес царя, например, со стороны княгини Екатерины Дашковой (1743–1810) и историка Н.М. Карамзина (1766–1826). Специально Грот останавливается на двух упреках в адрес царя: 1) вытеснение русских обычаев и предпочтение иностранцев; 2) жестокость и применение насилия и принуждения [*Там же*, с. 12–13].

Дав подробное обоснование естественности связи России с Европой, логичности и правильности установления Петром контактов с европейскими государствами, Грот подчеркивает, что царю нужны были не сами по себе иностранцы, а их знания, умения и опыт, ведь позже он стал заменять их русскими.

Что касается упреков в жестокости, то для оправдания царя Грот рисует картину состояния российского общества в то время — невежество, пьянство, грубость, воровство — и приводит несколько высказываний самого Петра о неизбежности принудительных мер, например, в указе об умножении мануфактур: «наш народ — яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что ясно из всех нынешних дел: не все ль неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже ПЛОД произошел» [*Там же*, с. 19]. Кроме того, применение жестких мер объясняется и повсеместными суровыми нравами того времени, а также тем, что Петр знал цену времени и спешил любыми средствами, не откладывая на будущее, исполнить то, что считал нужным и полезным.

Завершив подробное описание личности царя, автор обращается к документам его просветительской деятельности. В первую очередь речь идет о составленном политическим и церковным деятелем Феофаном Прокоповичем (1681–1736) по замыслу Петра Духовном регламенте, в котором воплотились чаяния царя в деле

духовного развития и улучшения нравственности народа. Грот подробно останавливается на содержании этого документа и важных приложениях к нему, на его значении, а также на личности, деятельности и роли Феофана. Идеи Духовного регламента были развиты царем и в последующих записках и указах, в частности, касающихся монашества и монастырей, при которых должны были быть созданы школы. Это напрямую связано с просветительскими планами царя, которые нашли отражение и в законодательстве: «Везде он преследовал высшую цель — пробудить и направить духовные силы своего народа, заставить его учиться и работать, распространить здравые понятия и вызвать самодеятельность, словом сообщить народу ту же предприимчивость, то же стремление к лучшему, каким оживлен был сам великий Вождь его» [Там же, с. 26–27].

Далее Грот переходит к подробному описанию той деятельности Петра, которая прямо относилась к распространению знаний через литературу. Царь принимает непосредственное участие в новом деле, книжном и типографском, он выбирает книги для переводов, находит переводчиков и наставляет их, исправляет переводы, направляет развитие письменного языка. По его указанию создаются типографии, он сам занимается созданием алфавита и улучшением шрифтов, устанавливает новую гражданскую печать. Российская литература того времени не представляла ни научного, ни светского интереса, все труды царя в этой области принесли плоды в будущем, по выражению историка П.П. Пекарского, царь был «творец нашей первоначальной книжной литературы, положивший своими заботами путь славнейшему ее деятелю, Ломоносову, и всем за ним следовавшим» [Там же, с. 35].

Грот подробно анализирует литературные взгляды Петра, точнее, то, каким языком, каким стилем, по мнению Петра, следовало писать документы, книги и переводы. Он требовал ясности, сжатости и простоты изложения, точности в передаче смысла. География, картография и история также не остались без попечения царя. И если в географической области были достигнуты значительные успехи, то распоряжения о сборе в стране исторических источников не привели к значимым результатам. Петр хотел даже улучшить русский театр, но попытка пригласить актеров из Чехии потерпела неудачу.

Грот обращается также к вопросу отношения народа к царю и приходит к выводу, что оно не было, как часто полагают, враждебным. Свидетельства тому дают, например, народные песни, и некоторые их фрагменты приводит автор.

В заключение Грот говорит о непреходящем значении преобразований и начинаний Петра Великого, особенно в современных условиях, то есть после отмены крепостного права, о значении самой его личности и необходимости воспитания в молодом поколении тех качеств, которыми обладал Петр. Свой доклад он завершает словами: «Петр Великий указал своей стране цель и путь; потомству предлежала задача уметь пользоваться указанием» [Там же, с. 43].

«В числе наук, могущественно подвинутых гением великого преобразователя России, неоспоримо первое место занимает отечественная география» — этими словами начинается доклад академика Отто Васильевича Струве (1819–1905), в котором он воздает должное заслугам Петра I в развитии российской географии, особо подчеркнув нацеленность начинаний «гениального творца географии России» на будущее, на пользу следующим поколениям [Струве, 1872, с. 1].

Описание истории географии и картографии России служит фоном, который позволяет Струве особенно ярко выделить заслуги Петра I в этой области. Он от-

мечает, что «мрак, покрывавший географию России, только в XVI столетии начал опять рассеиваться» благодаря иноземным путешественникам, которым покровительствовал царь Иван Васильевич. Лучшие карты России XVII в. были копиями карт, составленными в XVI в. неким Исааком Массой, с поправками, внесенными голштинцем Олеарием. При Федоре Ивановиче появилась утраченная государственная карта, называемая Большим Чертежом.

Ко времени восшествия Петра I на престол географические познания в России были весьма скудны и в большинстве своем не имели научного обоснования, «о точной географии Империи едва ли могла быть речь» [Там же, с. 8]. Начало новой картографии в России, по мнению историографа Г.Ф. Миллера, связано с именем голландца Николая Витзена, издавшего в 1687 г. карту России. Именно с этим ученым молодой царь знакомится во время своего первого заграничного путешествия, поддерживает с ним связь до его кончины и пользуется его советами.

Струве выделяет два периода в картографической деятельности Петра. Первый был связан с военными нуждами государства. Так, для строившегося в Воронеже флота Корнелий Крюйс по заданию царя за два года снял карту Дона. Решая актуальные задачи, царь думал и о будущем — одновременно с картой Дона он велел снять часть Волги и территории между Волгой и Доном с целью выбора места для прокладки канала между ними. Сразу после карты Дона при личном участии царя была снята карта Азовского моря. Следующая карта запечатлела театр войны с Турцией в южной России, между Доном и Днепром. После завоевания Ингерманландии в ходе Северной войны приступили к составлению и изданию на русском языке карты этой провинции, за ней вскоре последовала карта королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Второй период картографических работ был посвящен решению задач уже внутреннего устройства государства. С 1717 г. Петр приступает к осуществлению давно задуманного плана — составлению точной карты всего государства. С этой целью уже к 1721 г. в разные провинции было снаряжено 30 геодезических экспедиций, действовавших согласно инструкции, составленной самим царем. В подходе к решению этой грандиозной задачи царь проявил способность сочетать имеющиеся средства с поставленными целями. Средства и способы снятия карт были самыми простыми, а потому доступными для большого числа задействованных по всей империи рабочих сил. Собранные материалы были объединены в одно целое, обер-секретарь сената Иван Кириллов в 1734 г. закончил атлас, состоявший из 14 специальных карт и одной генеральной.

«Эта добросовестно и тщательно составленная генеральная карта наглядно представляет состояние отечественной географии около времени кончины великого преобразователя. При сравнении ее с картою Витзена бросается в глаза огромный успех, сделанный в это царствование» [Там же, с. 16]. Большим достижением стала изготовленная в течение трех лет карта Каспия, которая совершенно перевернула все прежние представления об этом море. Петр был чрезвычайно обрадован успехом гидрографов и отправил эту карту в Парижскую Академию, членом которой состоял. Для обеспечения безопасного мореплавания в учрежденной царем Навигационной школе (Морская академия с 1715 г.) в 1714 г. издается «Книга размерная градусных карт Ост-Зее или Варяжского моря» с 12 картами.

Струве делает акцент на непреходящем значении деятельности Петра Великого в области географии, главным образом на его ясном понимании необходимости

развития научных начал и на мерах, которые он предпринял для развития географической науки. В частности, он пригласил Жозефа Делиля, который создал Географический департамент, стараниями членов которого под руководством Леонарда Эйлера был создан атлас Империи. «В этом с живейшею признательностью принятом в образованном мире труде мы имеем исполнение желаний и предначертаний Петра Великого относительно картографии его Империи» [*Там же*, с. 18].

В заключение академик Струве особо отметил значение учреждения Петром Великим Академии наук в России: «В ея (Академии наук) полуторавековой плодотворной деятельности ясно выражается гениальная предусмотрительность великого монарха, создавшего высшую в Империи ученую корпорацию. Он призвал науку на помощь для осуществления своих образовательных целей, он завещал ей приготовить путь для решения практических задач общественной жизни и своими непоколебимыми законами направлять их успешное исполнение» [*Там же*, с. 18].

В том же году, то есть в 1872, эти доклады (речи) были опубликованы отдельными изданиями в академической типографии. Можно отметить, что содержание этих трех выступлений весьма любопытно. Большая часть их освещает различные стороны личности Петра Великого, методы и содержание его воспитания и образования, анализирует причины, по которым он приступил к великим реформам и преобразованиям, огромные успехи России в различных областях деятельности, а также показывает некоторые негативные аспекты политики Петра. Таким образом, тон оценок личности Петра Великого начинает обретать более трезвый и взвешенный характер.

Источники

Веселовский К.С. Петр Великий как учредитель Академии наук. Речь, читанная в торжественном заседании Императорской Академии наук 31 мая 1872 г. СПб.: Тип. ИАН, 1872. 13 с.

Грот Я.К. Петр Великий как просветитель России. Речь, читанная в торжественном заседании Императорской Академии наук 31 мая 1872 г. СПб.: Тип. ИАН, 1872. 45 с.

Ломоносов М.В. Ода торжественная <...> Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года... // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. С. 772–781.

Ломоносов М.В. Слово Похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное Апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. С. 584–613.

Струве О.В. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. Речь, читанная в торжественном заседании Императорской Академии наук 31 мая 1872 г. СПб.: Тип. ИАН, 1872. 19 с.

The Academy of Sciences: To the 200th Anniversary of Peter the Great's Birth

GALINA I. SMAGINA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

On May 31 (June 12), 1872, a ceremonial meeting commemorating the 200th anniversary of Peter the Great's birth took place in the Academy of Sciences. Such academicians as Konstantin S. Veselovsky, Yakov K. Grot, and Otto W. von Struve delivered the addresses. Among other topics, the presentations touched upon various aspects of the emperor's multifaceted personality and the impact of his reforms on Russian history as well as destiny of peoples of the Russian Empire.

Keywords: Peter the Great, Academy of Sciences, Konstantin S. Veselovsky, Yakov K. Grot, Otto W. von Struve.

References

Veselovsky, K.S. (1872). *Petr Velikiy kak uchreditel' Akademii nauk. Rech, chitannaya v torzhestvennom zasedanii Imperatorskoy Akademii nauk 31 maya 1872 g.* [Peter the Great as a founder of the Academy of Sciences. Address delivered on a ceremonial meeting of the Imperial Academy of Sciences], S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Grot, Ya.K. (1872). *Petr Velikiy kak prosvetitel' Rossii. Rech, chitannaya v torzhestvennom zasedanii Imperatorskoy Akademii nauk 31 maya 1872 g.* [Peter the Great as an Enlightener of Russia. Address delivered on a ceremonial meeting of the Imperial Academy of Sciences], S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Lomonosov, M.V. (1959). Oda torzhestvennaya <...> Imperatritse Ekaterine Alekseyevne, Samoderzhitse Vserossiyskoy, na preslavnoye Yeya vosshestviye na Vserossiyskiy prestol iyunya 28 dnya 1762 goda... [The solemn ode <...> dedicated to Ekateina Alexeevna, Empress and Autocrat of all the Russians on occasion of her glorious accession to the All-Russian Imperial Throne on June 28, 1762], in Lomonosov, M.V., *Poln. sobr. soch.* [Completed collection of works], vol. VIII (pp. 772–781), Moskva; S.-Peterburg: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Lomonosov, M.V. (1959). Slovo Pokhval'noye blazhennyya pamyati Gosudaryu Imperatoru Petru Velikomu, govoryennoye Aprelya 26 dnya 1755 goda [The laudable tale of blissful memory of Peter the Great, Emperor and Autocrat of Russia given on April 26, 1755], in Lomonosov, M.V., *Poln. sobr. soch.* [Completed collection of works], vol. VIII (pp. 584–613), Moskva; S.-Peterburg: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Struve, O.V. (1872). *Ob uslugakh, okazannykh Petrom Velikim matematicheskoy geografii Rossii. Rech, chitannaya v torzhestvennom zasedanii Imperatorskoy Akademii nauk 31 maya 1872 g.* [About favors of Peter the Great extended to the geography of Russia. Address delivered on a ceremonial meeting of the Imperial Academy of Sciences], S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).